

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

ДОБРОЛЮБОВ И НАРОДНИЧЕСТВО

ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ПРАВОПИСАНИИ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В одном из подготовленных проф. Ю. Г. Оксманом и печати очерков...

Статья эта является единственным, но ярким свидетельством большого интереса Добролюбова к вопросам языкового строительства и реформ, а для своего времени исключительным по смелости, выступлением против традиций русской орфографии...

О буквах и о правописании нашем захотелось мне рассуждать! Странно в люди показаться, а еще с такою матерною, которая с первого взгляда кажется невежливой: думается, что и ребятам будет смешно...

С незапамятных времен принято во всех новых языках писать собственные имена с большой буквы...

Тредьяковский.

От возникшего вида неосовременности нашего правописания, или от стремления русских к ученой вычужденности, или от стремления к вычужденности в литературе...

Грамотеи наши, ставя большую букву, думали, что придают этим словам то почетное место, которое и полагали, что отличают так, обр., и поному писану Апостолу...

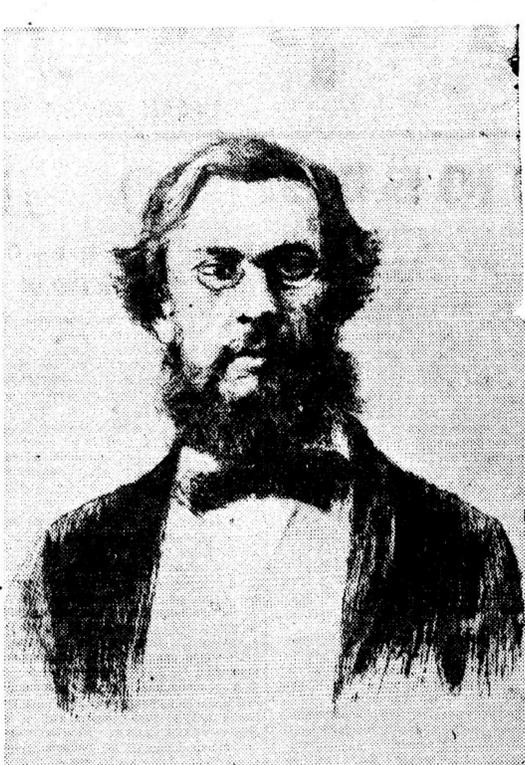
Между тем идея отличия, единственное разумное основание для прописных букв, нисколько не достигалась, именно оттого, что слишком много отличали. Да и не странно ли нам прибегать к этому средству в таких случаях, которые должны бы быть для нас и без того совершенно ясны и обыкновенны...

Грамотеи наши, ставя большую букву, думали, что придают этим словам то почетное место, которое и полагали, что отличают так, обр., и поному писану Апостолу...

Народники не раз пытались изображать Добролюбова как одного из предшественников и основоположников народнического мировоззрения...

Несомненно, Добролюбова характеризует известная идеализация крестьянства, свойственная и другим представителям «старорусского крестьянского социализма»...

Разочаровавшись в «героях» из привилегированной среды, разоблачая их классовую природу, называя их всех Обломовыми в зародке и даромедами, считая, что русский герой, являющийся обыкновенно на образованного общества, сам кровно связан с тем, на что должен возмущаться...

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ (Оборт Е. С. Зарудной-Навее).

оном движением, которое охватило крестьянские массы накануне реформы 1861 года...

удивительно, что Добролюбов вполном мере проник к истокам крестьянского движения XVIII и XIX вв. Когда после 19 февраля 1861 г. волна крестьянского движения полилась еще более высоко...

ТРЕТИЙ ТОМ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. ДОБРОЛЮБОВА

ХАРЬКОВ (наш корр.). Городская комиссия по проведению 100-летнего юбилея со дня рождения Н. А. Добролюбова наметила широкий план проведения массовых мероприятий...

Библиотека провели многоцелевые читательские конференции. Сегодня созывается городское отделение партийного, комсомольского и профессионального актива с участием писателей, работников искусств...

ЛЕНИНГРАД (наш корр.). Накануне столетия со дня рождения Добролюбова слан в печать третий том полного собрания сочинений великого критика...

В третий том, — сообщил Ю. Г. Оксман вашему корреспонденту, — вошли 13 статей и 80 заметок и рецензий Добролюбова (1856—69 гг.)...

Большинство текстов сверено с корректурами и авторграфами, что позволило установить ряд цензурных и редакционных искажений в общезнакомых печатных текстах Добролюбова...

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

Добролюбов — замечательнейший критик и публицист 60-х годов и не менее замечательный революционер, отстаивавший интересы крестьянской демократии, крестьянской революции...

Добролюбов, находившись под залогом царской цензуры, отзывом о Добролюбова Маркса, Ленина, Сталина, индустриальный материал и пр. 31 января состоялось объединенное открытое заседание кафедр литературы харьковского университета и педагогического института с участием писателей, преподавателей литературы...

Классовые враги Добролюбова пытались третировать его как «нахальное и хвастливое мальчишество», но он, полный глубокой веры в свое революционное дело, вооруженный разносторонним знанием, не утратившись, вылез из принудительного заключения...

Основной мировоззренческой Добролюбова была материалистическая философия Я. Фейербаха. Она была в домарксовский период самой революционной, была, как писал В. И. Ленин, «введением в революционную демократию для революционной буржуазной демократии»...

Творцом жизни Добролюбов считал не божественный промысел, не высшую субстанцию, не дух Гегеля, а человека с его жизненными интересами. Человек — центр всего существующего. Все для человека и все через человека.

другие термины: разрешение стоявших исторических задач, Петр, наоборот, разрешал их с наибольшей энергией и последовательностью.

Существование общественный порядок Добролюбов считал ненормальным, пороком, порождением зла, порождением зла, порождением зла...

Чтобы знать, какими путями добиться всеобщего счастья, надо познать исторические законы развития человеческого общества. По мнению Добролюбова, история есть борьба аристократии с демократией, дармоедов с представителями труда...

Добролюбов высоко ценил роль просвещения и пропаганды, преклонялся перед разумом, временами перерешивая все это, выпал в глаза, в просветительство, и все же живящей силой истории он считал не идею, а экономические отношения людей, слово и колесо. История — это история народа, а для него действительное страдание имеет большее значение, чем гласные книжные теории...

Освобождение народа может быть добыто только самим народом. Только для него это есть кровное дело, без осуществления которого он обречен на гибель...

Восстание народа может быть достигнуто только путем революционной борьбы. Революция — это борьба народа с эксплуататорскими классами...

Литературную работу Добролюбов считал работой глубоко общественной. В полном согласии со своими политическими взглядами он писал что «слово поэзии — жизнь живая действительности»...

Громадное значение имеет то, что служит предметом изображения. Одно дело, когда художник изображает клопа, другое дело, когда он изображает арабского скакуна, одно дело, когда он изображает клопа, другое дело, когда он изображает арабского скакуна...

Она бросилась в Волгу, погибла, но таким мертвецом задушить живые. Она «луч света в темном царстве».

Добролюбов нападает на Тургеневу, но в ее повести «Накануне» революционер Исаев слезал не гусским, а болгарским и не приближался к русской действительности, он слезал его революционные идеи и идеалы половецкой части русского общества...

Тут целая политическая программа. За нее и обрушился на Добролюбова либеральное дворяне — Тургенев, Боткин, Алленов и другие, не говоря уже о темных силах гусского самодержавия. Но он, как непоколебимая скала, стоял среди моря ненависти, злобы, свиста своих врагов.

Частое явление, о Добролюбова много спорили. Его литературное наследие, как это и странно, пытались ревизионизировать даже либералы. Народники писали о Добролюбова как о своем предшественнике. Пытались использовать Добролюбова в своей либерально-оппортунистической практике и меньшевики, но Ленин ударил их по рукам и восстановил идеологическую непримиримость критика ко всякому роду либерализму...

пародичество следующим образом: «1) Признание капитализма в России упадком, регрессом. Отсюда стремление и пожелание «задржать», «остановить», «прекратить» доминирующее вековое устои и т. п. революционные воли. 2) Признание самобытности русской экономической структуры вообще и крестьянства в его общинной, артельной и т. п. в частности... 3) Игнорирование связи «интеграционизма» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов» (Ленин, Соч., т. II, изд. 3-е, стр. 324).

Если в свете этой характеристике рассмотреть все творчество Добролюбова, то можно с полным правом констатировать, что к нему эта характеристика относится. Прежде всего Добролюбов крестьянский демократ и революционер просветитель. Он партиду с Чернышевским, бесстрашно и непримиримо боролся против теории самобытности русской жизни и русского исторического процесса и особенно против славянофилов как наиболее ярких выразителей этой теории. Далее мы уже знаем, что Добролюбов разоблачал «накладной» гуманизм и мимный демократизм «героев» дворянских романов. Его статья «Что такое обломовщина?», где он издевался над прерисоудными фразами и болтушнями от Обомы до Бельтова, не оставила в покое Гегеля, что и видно из знаменитой статьи «Very dangerous», этой злобной филиппики против революционной разночинной демократии. В статье «Куда же придет настоящий день?», посвященной повести Тургеневу «Накануне», Добролюбов доказывал, что прерисоудные идеалисты в лучшем случае — герои пассивных добродетелей, не способные ни широкую и смелую деятельность, ни волевою борьбу, на самостоятельную роль в каком-нибудь деле. Его высказывания о роли великих исторических личностей находились в резком противоречии с тем, что особенно ясно выразил миссиями Лаврова, которые являлись лишь творят историю среди инертных и пассивных масс. Его извещательские намешки над героями дворянских романов являлось общим не имеют с народнической теорией «находящих героев». Наконец, хотя Добролюбов видел ясно все отрицательные стороны капитализма, хотя в качестве утопического социалиста он в статье о Роберте Оуэне употреблял выражение «блестящий пролетариат», он превращал революционную роль европейского пролетариата в отличие от главного теоретического тезиса народничества — европейский путь развития отнюдь не считал главным для России. Вот что он писал в статье «От Москвы до Лейпцига», направленной против либеральной экономиста Бабаева: «Присматриваясь к ходу развития народов Западной Европы и представляя себе то, до чего она теперь дошла, мы можем питать себя ласковым надеждою, что наш путь будет лучше. Что и мы должны пройти тем же путем, — это несомненно и даже нисколько не приторно для нас. Но все-таки наш путь обещает, востановит наше гражданское развитие может несколько скорее перейти те фазисы, которые так медленно переходило оно в Западной Европе. А главное — мы можем и должны идти решительнее и тверже, потому что уже вооружены опытом и знаниями» (Соч., т. III, стр. 335—336. Цитируется по изданию Б. Г.). Это значит, что по мнению Добролюбова, Россия должна была пережить буржуазно-демократическую революцию, после которой только и можно было широко оставить пропаганду утопического социализма.

Половое тому, как сам Добролюбов боролся с либеральными 40-х годов в Вильянского, считая именно себя в Чернышевского наследниками лучших сторон его деятельности — его боевого материализма и демократизма, точно так же марксистам — Ленинским отдал народникам великое наследие 60-х годов, в котором Добролюбов занимает почетное место рядом с Чернышевским.

Таким образом полный Добролюбов будет и подлинным Добролюбовым. Б. ГОРЕВ.

ДОБРОЛЮБОВ О ПИСАТЕЛЯХ ЗАПАДА

Н. А. Добролюбов начал знакомиться с западноевропейскими писателями еще во время обучения в Нижегородской семинарии, когда он доставал себе книги где только мог и проводил за чтением все свободное время. Чтение это было очень обильно и довольно беспорядочным. Представление о том, что читал Добролюбов подростком и юношей, дает его «Рестарты прочитанных книг», частично сохранившиеся за 1849—1852 гг. На первом месте стоит художественная литература. Из иностранных писателей в рестах встречаются имена Шекспира, Вальтер-Скотта, Жорж Занд, Александра Дюма (очень часто), Бар. Сю, Жанлис, Ратклифф, Дюкре-Домеция, Теккерея, Алфиери, Шюкке, Поля Фейя, Шиндлера, Поль де Кока и др.

Серьезным препятствием к более углубленному знакомству с писателями Запада было для юноши Добролюбова его незнакомство с иностранными языками. «Сколько сокровищ знания ищешь ты, да двадцать лет умеешь читать только русские книги! — пишет он в 1858 г. одной знакомой. Во время студенчества в Педагогическом институте Добролюбов познакомился с немецким и французскими языками.

Следует обратить внимание на ту исключительно высокую оценку, которую дал Добролюбов Шекспиру (в статье 1860 г. «Луч света в темном царстве»). «Многие из его пьес могут быть названы открытиями в области человеческого сердца; его литературная деятельность подвинула общее сознание людей на несколько ступеней, на которые до него никто не поднимался и которые только были указаны указываемыми некоторыми философами. И вот почему Шекспир имеет такое важное значение: он обозначает несколько новых ступеней человеческого развития. Но зато Шекспир и стоит вне обычного ряда писателей».

Из современных Добролюбову писателей Запада ему были особенно близки и дороги Гейне и Беранже. О Гейне приходится говорить в связи не только с критической, но и с поэтической деятельностью Добролюбова. Еще в феврале 1856 г., будучи студентом института, Добролюбов пишет «Подражание Гейне». В первой половине 1857 г. он переводит 22 песни Гейне; некоторые из этих переводов (например «Вопрос») стоят на уровне лучших переводов на Гейне того времени. В это время он записывает в дневнике от 20 января: «Несколько дней я уже поэтиса Гейне и все восхищаюсь им. Ни один поэт еще никогда не производил на меня такого полного, глубокого, сердечного впечатления. Лермонтова, Кольцова и Некрасова читала я с сочувствием; но это было, во-первых, скорее согласие, нежели сочувствие и, во-вторых, там возбуждалось все отрицательные чувства, жаль различалась, кровь кипела, а в Гейне, наоборот, сердце поворачивалось от негодования и тоскливости, общеполитического бешенства: таково было общее впечатление. Гейне — не то: чтение его как-то расширяет мир души, его песья отлетает в сердце сладкой, тихой, задумчивой тоской. У Гейне есть и странная, иронически-отчаянная, насмешливо-безотрадная пьеса. Но теперь не эти пьесы особенно привлекают меня. Гейне с особым наслаждением читал и перечитывал я «Интермеццо». Верно и мне пришла серьезная пора жизни — полной, живой, с любовью и отчаянием, со всеми ее радостями и горестями».

Предпочтение, которое отдавал в эту пору Добролюбов Гейне-интимному лирику перед Гейне-общественным сатириком, было лишь временным явлением и стояло в связи с некоторыми чисто личными его переживаниями того времени. Во всяком случае, эти восторги Добролюбова пе-

«Либерал-эквилибрист, ловко колеблющийся во все стороны и отыскивающий благоуглаженную середину». («Искра», 1862 г., № 21).

ред Гейне-романтиком служат блестящими опровержениями того, что классические враги Добролюбова и Чернышевского говорили об их убогости, недостаточности для них высокой поэзии, кроме дидактической гражданской.

Высказываясь о Гейне как критик, Добролюбов неизменно ставил чрезвычайно высоко его поэзию. В статье, 1858 г. «О степени участия народности в развитии русской литературы» Добролюбов говорит, что очень редко, лишь у высших гениев поэзии, проявлялась чистая любовь к человечеству. К таким высшим гениям он относил Шекспира, Байрона, Гейне и Беранже. «Злобными сарказмами мотил недавно торжествующим партиям за германский народ Гейне Гейне, подлагивший весь смысл искусства и философии в том, чтобы пробуждать от сна задравшие слезы народа». Из всего содержания сложной и часто противоречивой поэзии Гейне Добролюбов выделяет ее общественно-политические мотивы, которые немецкий поэт был даром русской революционной демократии 60-х годов. Об искажении истинного лица Гейне нашими поэтами 40-х годов говорит михомолог Добролюбов в рецензии на книгу «Перевы» (1860): «Сущность поэзии Гейне, по понятию толгалиных стихотворцев наших, состояла в том, чтобы сказать в рифму какою-нибудь бесовщицею о тоске, любви и ветре». В рецензии на поэзию Гейне в переводе М. М. Михайлова (1858) Добролюбов также указывает, как неверно понималось поэтическое направление. «Многие, вероятно, помнят, что у нас лет пять тому назад понималось под стихами и гейневском роде. «Ручей мирно журчит: но у мученика, а вспоминаю речи именитых милой». Или: «Облака несутся по небу; я смотрю на них и думаю, что это не облака, а душа моей милой»; или еще: «Мы сидели с милой и вежливо разговаривали, а на крыше маукали кошки». Это название подражанием Гейне. Только в недавнее время стали мы знакомиться с истинным характером Гейне, недавно переведенным у нас некоторыми из лучших, более серьезных его произведений... Добролюбов делает упрек Михайлову в излишней краткости его вступительной описки. «Обо всем доскучно это в той части статьи, в которой говорится, что Гейне был барбарадним воинственным легионом молодых деятелей юной Германии». Приведем перевод знаменитых строк Гейне: «Стучи в барабан и тревожь уснувших из сна пробуди» и т. д. Добролюбов заключает: «Это стихотворение не мешало бы привести в статье о Гейне; тогда характеристика его с этой стороны была бы полнее и яснее для читателей».

Другое своего влюбленного поэта, Беранже, Добролюбов в упомянутой

выше статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» характеризует так: «Все горести и труды бедняков нашли себе жидкой и полной отголосок в песнях национального французского поэта». В большой рецензии 1858 г. на изданную в переводе В. Курочкина книгу стихов Беранже Добролюбов по-казывает революционную сущность его поэзии, указывая, что в 20—40-х годах толгалиные любители Беранже из дворянского круга понимали и ценили лишь фривольную сторону его стихов.

Разбирая переводы Курочкина, Добролюбов отмечает те места, где переводчик смягчил общественный смысл первоначальных им стихов. Курочкин, конечно, делал это по цензурным соображениям; Добролюбов приводит ряд цитат из Беранже по-французски, чтобы таким путем показать читателю, что он не признавал более сильными местами из стихов Беранже, показанными русской цензурой.

О других западноевропейских писателях Добролюбов говорит не много и случайно. Следует отметить его замечание о Шиллере в трех рецензиях на издание его переводов. В одной из этих рецензий Добролюбов за-являет, что он не признавал Шиллера критиком более подробно останавливается на «Заговор Фиско»; главным образом, он выделяет здесь привлекающий его образ Веррина, как прямого и непреклонного республиканца.

Из немногочисленных высказываний Добролюбова о современных ему западноевропейских писателях самое ценное — его статьи о Гейне и Беранже. Понятно, отчего он останавливался именно на них: вокруг имен обоих поэтов в русской литературе 60-х годов велась идейная борьба, дворянская и буржуазная критика стремились в своих целях исканить облик этих поэтов, вытравить из них революционную сущность. Революционная демократия выражала свое отношение к Гейне и Беранже, останавливаясь преимущественно на тех сторонах деятельности этих поэтов, которая замалчивалась или и-верно истолковывалась критиками реакционной и либеральной лагеря. В этой борьбе Н. А. Добролюбов принял участие, сказав свое веское слово о замечательных представителях европейской литературы.

М. КЛЕВЕНСКИЙ

МАССОВЫЕ ИЗДАНИЯ ДОБРОЛЮБОВА

К юбилейным дням выпущены два общедоступных издания сочинений Добролюбова.

Госиздат выпустил томик избранных литературно-критических статей Добролюбова (о Гончарове, Островском, Тургеневе, Достоевском). Статьи даны по тексту академического издания. Плохо, что не объяснено значение прямых и круглых скобок текста. В общедоступном издании такой промах немаловажен. Комментарии введены только с сокращениями в объеме из того же издания. Неправильно повторять прием академического издания в отношении перевода иностранных выражений. В общедоступном издании переводы необходимо давать в подстрочных выносках. Сделавало бы еще прибавить некоторые пояснения для тех мест, которые не требуют примечаний в полном академическом собрании сочинений, но обязательным в общедоступном массовом издании.

Предисловие П. И. Лебедева-Полянского хорошо разъясняет литературно-критическую деятельность Добролюбова, но к нему следовало бы присоединить скатый биографический очерк. Читателю массового издания такой очерк во всяком случае не менее нужен, чем читателю академического издания. При книге нет портрета Добролюбова. Все отмеченные недостатки не умаляют крупного значения настоящего популярного издания. Но при его неизбежном повторении их следует устранить. Это трудно сделать и технически, даже при стереотипной печати нового издания.

Детти выпустил в школьной серии классиков избранные прозаические произведения Добролюбова со вступительной статьей В. Я. Кирпичникова. Здесь также даны главные литературно-критические статьи, но без статьи о Достоевском. Текст взят из того же второго тома академического издания, что отмечено в конце книги. И здесь не объяснено значение прямых и круглых скобок. Это для настоящего издания совсем плохо: ведь учитель сам будет путаться и не сумеет объяснить школьникам значение скобок, не имея под рукой академического издания. Комментарии составлены в соответствии с комментариями академического издания, но значительно переработаны. Кроме того они дополнены цитатами необходимых в общедоступном издании пояснений, написанных обязательно и понятными учащемуся 10-го класса, для которого предназначена книжка.

В Кирпичниковой в своей вступительной статье о значении литературно-критической деятельности Добролюбова, об его историческом, эстетическом, философском и педагогическом значении и дает обширные сведения о нем. К сожалению, очень интересная статья В. Кирпичникова ввиду своей сжатости будет в некоторых местах непонятна учащемуся без объяснения преподавателя, которому в свою очередь придется предварительно подготовиться для этих объяснений.

В приложении дана статья В. В. Ворожцова о Добролюбова, написанная к 30-летию смерти великого критика. Эта статья много даст читателю для понимания значения Добролюбова как представителя идейных течений в русском революционном движении, что, впрочем, хорошо объяснено в статье Кирпичникова. Переводы иностранных фраз даны в этом издании под текстом. Там же даны краткие, но четкие пояснения иностранных слов, научных терминов и устаревших выражений.

Н. ДМИТРИЕВ.

ДОБРОЛЮБОВ И „ЧТО ДЕЛАТЬ“

Исходя из непримиримой враждебности либеральной и революционно-демократической лагерей, Добролюбов делит и современную ему литературу на две школы: Тургеневскую и Шеллинговскую.

Будучи в самом центре политической борьбы в литературе, он отнюдь не знал слабые и сильные стороны как противников, так и соратников. Сила Тургеневской школы была в том, что она своих героев изображала страдающими «общественным сознанием», что человек у нее был в невылазном противоречии со средой, которая его асала, мяла, коверкала, не понимала его благородных стремлений и т. д. и т. п. Все эти молодые люди страдали, любили, говорили о высоких материях, о чести, долге, о страданиях ближнего.

Но ничего не делали и не хотели делать, ибо основной чертой их характера была при всей «чужаинности их взглядов», «тайная симпатия к крепостным отношениям» (Добролюбов). Все эти «розовые младенцы» привносили читателю одну мысль: не в силах человеческих исход из этой жизни, — лихость, некультурность мешают долти нашим высшим идеалам до тех пор, пока... Все эти литературные типы Добролюбов обесценил одной фразой: «И да и все вы Обломовы!». После этого «длинные люди» стали действительно лишними и если «розовые они были пропагандистами хоть для одной женской души», то после разгрома, учиненного Добролюбовым над ними, они потеряли в глазах не только революционной, но и просто радикально настроенной молодежи всякий смысл и значение. Разовлачивая хрупкости и робости положительного характера дворянской литературы Добролюбов повесил огромную часть своих статей, в которых хотел доказать, что творческая революция в отношении жизненной правды дальше правдивого описания природы да «плакательных тонок», «эпистолических антагонизмов» не идет и идти не способен.

Так Тургенев в «Накануне» вместо того, чтобы «поставить своего героя лицом к лицу с самим делом — с партией, с народом, с чужим правительством, с своим единомыслием», изображает, как Исавар любит и что из этого происходит, там же любовь должна, наконец, уступить место живой гражданской деятельности, он прекращает жизнь своего героя и оканчивает повесть словами, что такая область действительности, как политическая борьба, как классовая борьба, выпала из возможности Тургеневской реалистической школы.

Эту задачу взяла на себя Шеллинговская школа. Но даже и талантливыми представителями Шеллинговской школы, делавшими огромную положительную работу, Добролюбов был не всегда доволен — «Не противно ли у мертвого зубы врать — к чему это привелось», — писал он. Задачами крестьянской революции требовали, наравне с беспощадным отрицанием старого, утверждения в литературе положительного характера революционного героя. Добролюбов обращает свой взор к молодым писателям крестьянской демократии, к Кокореву, Вовчок, Подоскоку и другим и, наконец, к «Грозе» Островского. Он по крупным собирает черты положительного революционного характера, пропагандирует неустремленную определенность народных характеров и в целом ряде статей говорит о том, что теперь дело не в том, чтобы «искать виноватого», не в том, «что виноваты», а в том, «что делать», как изменить эту «заслуженную людей серу». Конечно, нужна была книга, пропагандирующая тип русского Исавара. Эта тема проходит красной нитью во всех последних статьях Добролюбова, вплоть до «Забитых людей», где он прямо говорит, обращаясь к разночинной молодежи, что при существующем порядке ей иного пути, кроме как в чиновники, нет, но что же делать «молодому поколению»... «Вопрос этот мы не станем решать здесь, решенье это, несомненно, лег-

че вывести, нежели понатным языком написать в русской книге, длинная и трудная может выйти из этого издания».

И вот Чернышевский вылез из-под такой «ямы», необходимость которой несомненно подсказала Добролюбову. Нам представляется так: Чернышевского есть в какой-то степени выполнение душеприказчиком и учителем духовного завешания Добролюбова. В этой связи неточным, а стало быть и неверным нам кажется утверждение, что «Что делать?» является ответом «Отцам и детям». Не только «Отцам и детям».

Отмечаясь нужно было глубже и решительнее от всей дворянской либеральной художественной литературы, начиная с «Что виноваты» Герцена и кончая «Отцами и детьми».

В те годы Герцен активно поддерживал либералов, и попытка Чернышевского с ним договориться ни к чему не привела. Ошибочность своей позиции он осознал только после ареста Чернышевского. Это событие положило начало переходу Герцена окончательно на сторону революционной демократии.

«Что делать?» писалось в крепости в ожидании суда и в этом смысле было завещанием «молодому поколению». Никто не знал, чем закончится суд над Чернышевским. Парские приключения могли пойти на вылет до физического уничтожения «снововода революционной партии».

В подтверждение нашей точки зрения мы можем привести следующие основания. Прежде всего бросающиеся в глаза нарочито одна и та же ситуация в обеих книгах. В «Что же делать?» это трагедия, в «Что делать?» — комедия. Там же либеральные дворяне Бельтов и др. уютно помещены с тем по поводу существующего порядка вещей, там новые люди революционной демократии находят свой выход из противоречий, первая моральные, этические и правовые нормы крепостной России. Нельзя при схожих верах в характере и истории Бельтов и Павловки и Кучеферовой слово бы показывать по-иному, где выход. То же самое и с Бельтовыми и Лопухиным. Там, где один «разочаровывается и оставляет героиню плакать и страдать», как ядовито подмечает Добролюбов, другой преодолевает все преграды именно в силу неустремленности определенности своего характера и страстного желания найти «полный исход из состояния этой жизни». Далее, нужно ли говорить, что Рахметов не кто другой, как «русский Исавар», о котором мечтал Добролюбов, борясь против «внутренних турок» — самодержавного правительства. И наконец все жеские образы в дворянской литературе, начиная с Кучеферовой, Елены («Накануне»), Ольги («Обломов»), в еще большей степени беспомощны, чем их либеральные любовники. Это и естественно.

В «Что делать?» целый ряд поколений революционеров получают замечательную программную книгу и в значительной степени это — заслуга и Добролюбова, поставившего перед литературой основные проблемы его современности. Этому мы должны и него учиться.

«Ночь прогресса». («Искра», 1863 г., № 29)

потому что проблема женской эманципации для дворянских писателей упиралась в весь строй крепостнических отношений, кровно связанный с их собственной моралью и этикой. Другое дело Чернышевский. Он решает проблему женской эманципации по-революционному, явочным порядком. Надо ли подчеркивать, что Вера Павловна выдержала себя лучше черты Добролюбовской Натерны, помещенные на сознательную, беззастенчивую ревность, которой требовал от подопытного характера великий критик.

Таким путем и в Вере Павловне и в других персонажах романа превосходно выражены те черты определенности и цельности характера, которые Добролюбов подчеркивал в народных типах и делал черты чертами революционных революционеров. Вот как он формулировал свои требования на этот счет: «Вся разница в том, что у Катерины, как личности непосредственной, живой, все делается по влечению натуры, без отчетливого сознания, а у людей развитых теоретически и сильных умом главную роль играет логика и анализ. Сильные умы имено и отличаются той внутренней силой, которая дает им возможность не поддаваться готовым впечатлениям и системам, а самим создавать свои взгляды и выводы на основании живых впечатлений».

В «Что же делать?», являющаяся сплошной войной против барина и гимназического учителя, возмущающегося на его воспитание, мущину, Добролюбов ставит ряд намеков на отдельные черты характера и свавестные переживания Катерины. Катерина героиня дворянской литературы, он говорит, что, идя на смерть, она не пренебрегает «тем выходом, потому что она не отвлеченная героиня, которой хочется «смерти по принципу». Тут, как в действительности, он намекает на Крестингерку, догорушную, как свеча, в «Что же делать?». И, наконец, «надо признать, что человеку, оживающему наследием от дяди, трудно бороться с себя за независимости этого дяди, и затем надо отказаться от излишних надежд на племянников, оживающих наследством, хотя бы они были «образованы» по самое небыло. Если тут разбирать виноватого, окажется, что виноват тот племянник, который не знает, как сказать их наследством», так отвечал Добролюбов на истерический вопрос либеральной литературы. Вы хотите наследовать крепостников, а мы хотим их уничтожить. В этом разница наших позиций, и революция вовсе не в том для нас, для революционной демократии, что из вас виноваты, ибо мы знаем, что все вы Обломовы», вопрос в том, что делать, чтобы покончить с крепостниками и их племянниками. «Правильно что делать постоянно нас устанавливает», — и все мы ищем, жаждем... ждем, чтобы нам кто-нибудь объяснил, что делать? И, наконец, «то нам делать, чтобы устранить то, что невозможно, все, что так странно может развитию хороших качеств народа».

Вот какие основания позволяют думать, что книга Чернышевского написана под прямым влиянием литературной критики Добролюбова. Насколько Чернышевский справился с задачей, поставленной Добролюбовым, — другой вопрос. Но основная установочная идея Добролюбова о полном и окончательном разрыве с всем дворянством получила в романе яркое отражение — тут подлинный мир новых людей. Чернышевский так же великолепно справился и со вторым заданием, с показом положительных революционных характеров, противопоставленных всем категориям дворянской литературы, добрым и безвольным в своем абсолютном большинстве.

В «Что делать?» целый ряд поколений революционеров получают замечательную программную книгу и в значительной степени это — заслуга и Добролюбова, поставившего перед литературой основные проблемы его современности. Этому мы должны и него учиться.

Бор. ДАРЕДЖИЕВ

КРИТИК-РЕВОЛЮЦИОНЕР

Н. ГЛАГОЛЕВ

Великий русский критик Николай Александрович Добролюбов умер еще юношей. В несколько лет согорел его огромный критический талант. Но какое богатейшее наследие оставил он истории! Как много успел он поспернуть за сокровищницами человеческого знания. Какую огромную роль сыграла его критическая деятельность в истории русской общественной мысли! Выходя из духовной среды, Добролюбов порвал со всеми традициями, предрассудками, верованиями своего круга и отдал свою жизнь целиком, без остатка, делу освобождения трудящихся.

Либеральные историки литературы искажили облик критика-революционера. Они рисовали образ тихого, мечтательного юноши, далекого от шума и ожесточения политической борьбы, занятого больше вопросами морального порядка, вопросам нравственного самосовершенствования. Наша большевистская критика должна восстановить действительный образ Добролюбова, образ борца, целеустремленного и беспощадного к врагу, страстного и в своей любви и в своей ненависти, настоящего трибуна критики, умеющего говорить с массами языком политического вождя.

Непоколебимая сила убежденности в правоте своего дела и глубокая принципиальность в трактовке любой темы; страстная ненависть к палачам и угнетателям народа и глубокая любовь к порабощенным массам; революционно-демократическая принципиальность и умение ставить на материале художественного творчества большие вопросы современности — все это делало Добролюбова близким и родным нам писателем.

Ленин высоко оценивал значение критической деятельности Добролюбова, рассматривая его, наряду с Белинским и Чернышевским, как представителя революционной социал-демократии. Именно революционный демократизм Добролюбова подчеркивает Ленин, разоблачая попытки меньшевистка Неведомского занять «новым» пересмотром идей Добролюбова задом наперед, от демократиче-

ма к либерализму. (Собр. соч., т. XV, стр. 459). Беспощадная и последовательная борьба Добролюбова с крепостничеством и либерализмом — вот эти решающие суть дела вводу взгляды Ленина на первый план.

Прямо против российского либерализма аострана блестящая статья «Что такое обломовщина». В ней Добролюбов со всей силой обрушивается на так называемых «средовых людей» цивилизованного общества, болящихся о своих «высоких чувствах», «суманных стремлениях», прикрывающих общими принципами самодовольное любованье красотой, удачно скроенных и столь же надутых и претенциозных, сколь и пустых фраза. Как умел Добролюбов высеять современных ему либеральных Молчаливых и Подзабывающих в литературе с их всеглагольным лозунгом «свяди стараться», вставившем с заднего крыла крепостников, беспрепятственным путем, безобидным жонглированием идеями и идеями. Остроумно и зло высмеивает Добролюбов либеральную шумиху и либеральные восторги по поводу реформ. С едкой иронией говорит он о «сплошной деятельности» в стиле голговерских героев — «добродетельного откупщика» Муравьева или помещика Костанжова.

Добролюбов, как и Чернышевский, дал в своих работах глубокую критику капиталистических общественных порядков. В противоположность ядру выдающихся западноевропейских утопистов, Добролюбов не возмущался никаким наездом на широту капиталистичности, на «свободу волю» конституционных людей буржуазии. Он критикует Роберта Оуэна за его стремление закружить под-держкой государственными классами в деле осуществления своих реформ. Он не считает возможным добиться от буржуазии, путем соглашения с ней, коренных социальных реформ. Добролюбов несколько раз обмывает в вопросе о неизбежности все большего увеличения эксплоатации рабочего класса с ходом капиталистического развития.

Утопический социализм Чернышевского и Добролюбова нельзя рассматривать вне связи с конкретно-историческим содержанием революционно-демократической борьбы, которую они вели и которая объективно, по сути дела, являлась борьбой за «американский» путь развития русского капитализма в противовес либерально-буржуазному «русскому» пути. Как тот, так и другой рассматривали побег крестьянства к революции как основную истинную социалистического переустройства общества; но при этом они опирались на результаты, полученные западноевропейскими утопистами, критически переработывая, перестраивая их в своих теоретических построениях.

Ленин оценивал Чернышевского и Добролюбова как выдающихся представителей старого русского крестьянского социализма, подчеркивая всюду единство их основных политических позиций. Неправы те товарищи, которые ныне, стремясь всемерно «эволюционизировать» Добролюбова, как и Чернышевского, заявляют о полной непричастности их к старому русскому крестьянскому социализму и к народничеству в широком смысле слова. Мы начинаем эти товарищам хотеть бы такие работы Ленина, как «Что такое дружная партия», «Со стороны рабочих». «Политическое направление в русской социал-демократии», «О народничестве», — работы, дающие совершенно ясное и точное указание по этому вопросу. Товарищи, защищая эту концепцию, хотят они этого или нет, скрываются, по существу, в точке зрения «Рабочей мысли» в оценке Чернышевского, подвергнутой Лениным резкой критике в его статье «Политическое направление в русской социал-демократии» (т. II). Игнорируют действительную классовую основу и конкретно-историческое содержание деятельности Чернышевского и Добролюбова.

Добролюбов не был материалистом в своих исторических воззрениях и не оставаясь социалетом-утопичом и

просветителем, не достигнув понимания исторической роли пролетариата, какую все же глубоко понимали пролетарские писатели своего поколения, он в своем замечательном труде в своей оценке непримиримости интересов буржуазии и пролетариата! Какой великодушный урок дает он здесь всем проводникам классового и партийного соглашения между буржуазией и пролетариатом! Для Чернышевского и Добролюбова порабощенные и эксплоатируемые трудящиеся массы обединялись под общим названием «простолынные». Страстная защита интересов угнетенных и обездоленных народных масс, постоянное противопоставление их обществу паразитов-рабовладельцев, тушевство господствующим классам пронизывает все критические работы Добролюбова. Он, как и Чернышевский, крепко верил, что в натуре народных низов заложены прочно и неустойчиво стремления к любви, правде и улучшению своего бытия.

Здоровые черты психологии труженика Добролюбов противопоставляет зверской и жалкой, тупой и жестокой натуре крепостника, психологии господствующих классов.

Добролюбов был воистинно материалистом в такой же мере, как и Чернышевский, и страстно пропагандировал феербахские основы философского мировоззрения, подвергая уничтожающей критике иезуитские и бездарные выкладки против материализма алоготвор мистики и мракобесия. Феербахский взгляд на мир и человека отчетливо развернут в статье Добролюбова «Литературные мечты прошлого года». С резкой критикой и эстетических направлений в философии выступают Добролюбов в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы».

Принципы феербахского материализма Добролюбов применяет к объяснению закономерности литературы и искусства. Еще Плеханов в статье «Добролюбов и Островский» указал на феербахский характер эстетических воззрений великого критика, вымислив в достаточной мере перед собой Чернышевского и Добролюбова, — задачи «рабизации действительности» и «устранения фантасти-

ческого элемента из человеческого представления». Но беспощадная борьба Добролюбова с современными идеями критического реализма была далеко не полна. Плеханов, который истоводал знаменитый страшица «Темного царства» как стремление Добролюбова свести залу реального критика лишь к констатации наличия тех или иных тенденций, отмеченных в произведении, к простому обозрению содержания произведения.

Анализ Добролюбовым произведений русской литературы XVIII и XIX веков поражает читателя всемогущей последовательностью в проведении до конца принципа революционно-демократической паритетности. Содержание всех исторически развивавшихся литературных школ и направлений оценивается им прежде всего с точки зрения одного основного критерия: в какой степени эта литература отражает действительное положение народных масс, в какой мере правдиво она изображает их потребности и нужды, их психологию, простоту и сильные чувства народа, его страдания под пятой рабовладельцев и их приспешников.

В основе всей деятельности критика-революционера лежала глубокая, непримиримая ненависть к тем влияниям, которые так задерживали и искажали нормальное развитие личности, т. е. к искусственному режиму самодержавия. Критические статьи Добролюбова — это образцы боевой доблестности, это настоящие обвинительные акты против самых основ самодержавно-крепостнического строя; это блестящий образец пропаганды революционных идей при помощи мастерского применения эзоповской формы, эзоповского языка.

Добролюбов применяет общие принципы эстетики Чернышевского: учение о прекрасном в искусстве и жизни, примат действительности над искусством, но просветительско-педагогические задачи литературы приобретает у Добролюбова революционно-демократическое содержание. Эту исторически-революционную роль просветительской эстетики недооценивает Плеханов, ограничивая свою задачу в этой области лишь установлением идеалистического характера взглядов Чернышевского и Добролюбова, рассматривая их лишь с точки зрения отступления Добролюбова и

Чернышевского от диалектики к прозаическому светилу. Мысль Добролюбова о содержании и задачах реальной критики имеет и сейчас для нас глубокое, злободневное значение. Добролюбов предостерегает отнюдь не критическую организацию общественной залу народами нескольких случаев мысли по поводу произведений, несомненной по сути, идею Добролюбова дал классические образцы анализа типических образов в русской литературе.

Добролюбов справедливо требовал от критики, чтобы она «осмыслила перед нами то, чем мы увлекаемся — часто безотчетно, чтобы она привела в некоторую систему и обяснила наши собственные впечатления» (т. II, стр. 45). Это удивительно меткое определение того, чего читатель ждет от критики. Здесь подчеркивается со всей силой ведущая роль критики и ее пропагандистские задачи. Художник — не фотограф. Художник должен суметь уловить в явлениях действительности их существенные черты, ярко осветить и прямо поставить их перед глазами людей размышляющих читателя, что это за существенные черты, показать, насколько правдиво отразились в художественном произведении процессы действительности, чему это произведение учит читателя в повседневной жизненной борьбе и явлениях, привлекающих внимание художника.

Плеханов усматривал существенное противоречие между пониманием Добролюбовым задач реальной критики и его взглядами по вопросу о субъективно-пропагандистской роли литературы. Но это противоречие в том виде, как его понимает Плеханов, не существует. Добролюбов был врагом тупой тенденциозности, тенденциозного извращения фактов действительности. И здесь великий критик близко подходит к точке зрения Энгельса, сформулированной им в известном письме к Минне Кауфской.

Работы Добролюбова — это блестящие образцы критики, умеющей свя-

ЛОКАФ — „ЗНАМЯ“

В. С. ВИШНЕВСКИЙ

Сигнал об организации ЛОКАФ был дан в Ленинграде и Кронштадте летом 1930 г. Первой задачей этого сигнала было объединение писателей-рабочих, как писателей-рабочих, так и писателей-инженеров, участвовавших в движении, в основе которого лежали идеи Л. Д. Брежневского и М. В. Соловьева. Подсознательно накапливались силы, опыт. Тогда еще никто не знал работы геттоевых ленинградских и кронштадтских военных литераторов: Н. Свириды, Л. Соболева, А. Дмитриева, В. Клехта-Петровского, Абрамочкина-Блажа и др.

Кадры зачинателей ЛОКАФ группировались вокруг объединения Балфлота и объединения «Красная звезда» (Л. Д. Брежневский, Л. Соболев, А. Дмитриев, В. Клехта-Петровский, Абрамочка-Блажа и др.).

Кадров зачинателей ЛОКАФ группировались вокруг объединения Балфлота и объединения «Красная звезда» (Л. Д. Брежневский, Л. Соболев, А. Дмитриев, В. Клехта-Петровский, Абрамочка-Блажа и др.).

Кадров зачинателей ЛОКАФ группировались вокруг объединения Балфлота и объединения «Красная звезда» (Л. Д. Брежневский, Л. Соболев, А. Дмитриев, В. Клехта-Петровский, Абрамочка-Блажа и др.).

Сигнал об организации ЛОКАФ был дан в Ленинграде и Кронштадте летом 1930 г. Первой задачей этого сигнала было объединение писателей-рабочих, как писателей-рабочих, так и писателей-инженеров, участвовавших в движении, в основе которого лежали идеи Л. Д. Брежневского и М. В. Соловьева. Подсознательно накапливались силы, опыт. Тогда еще никто не знал работы геттоевых ленинградских и кронштадтских военных литераторов: Н. Свириды, Л. Соболева, А. Дмитриева, В. Клехта-Петровского, Абрамочкина-Блажа и др.

Кадров зачинателей ЛОКАФ группировались вокруг объединения Балфлота и объединения «Красная звезда» (Л. Д. Брежневский, Л. Соболев, А. Дмитриев, В. Клехта-Петровский, Абрамочка-Блажа и др.).

Кадров зачинателей ЛОКАФ группировались вокруг объединения Балфлота и объединения «Красная звезда» (Л. Д. Брежневский, Л. Соболев, А. Дмитриев, В. Клехта-Петровский, Абрамочка-Блажа и др.).

Кадров зачинателей ЛОКАФ группировались вокруг объединения Балфлота и объединения «Красная звезда» (Л. Д. Брежневский, Л. Соболев, А. Дмитриев, В. Клехта-Петровский, Абрамочка-Блажа и др.).

Кадр из фильма «Мы из Кронштадта». Сценарий В. С. Вишневого, режиссер Е. Д. Ганган. Моодриным выпускает эту картину к XVIII годовщине РККА.

РЕДАКЦИИ „ЗНАМЯ“

Секретариат союза советских писателей СССР горячо приветствует в день пятилетия один из лучших наших литературных журналов. За эти годы журнал «Знамя» сумел высоко поднять значение оборонной художественной литературы, роль которой для дела укрепления обороны страны и для воспитания людей, беззаветно преданных родине, особенно велика сейчас, когда воинствующий фашизм готовит нападение на Советский союз.

Журнал за свою пятнадцатилетнюю историю сумел сплотить вокруг себя лучших писателей, выдвинувших новых, посвятивших свое творчество теме обороны родины, и напечатал ряд талантливых и ценных произведений, вошедших в основную фойку советской литературы.

Союз советских писателей желает журналу дальнейшей плодотворной работы и уверен, что «Знамя» будет продолжать бороться за высокое качество и мастерство, предъявляя еще более высокую требовательность к художественным произведениям, печатающимся в журнале.

Наша советская общественность ждет от писателей, объединенных журналом, возмужавших художественных произведений на темы героической Красной армии и обороны нашей великой непобедимой родины.

СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

НАСТОЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ КОМАНДИРА

Приветствую журнал «Знамя» в день его славного юбилея. В красном знаменитом и ордена Ленина военном академии им. М. В. Фрунзе оборонный журнал «Знамя» пользуется всеобщим уважением и становится любимым настольным журналом в преподавательской и слушательской среде.

Отмечая большую, исключительно важную роль журнала в деле обороны нашего протекторского государства, желаю журналу дальнейшей плодотворной работы, еще большего внедрения в читательские массы бойцов и командиров, еще большей культурности и полноты художественного отображения жизни, быта и героики нашей Красной армии.

Пом. начальника по политчасти академии им. М. В. Фрунзе, корпусный комиссар Е. ЦАДЕНКО

ЛЮБИМЫЙ ЖУРНАЛ АРМИИ

«Знамя», несомненно, является любимым журналом командиров и бойцов Красной армии. На страницах его появилось почти все лучшее из того, что написано о мужественных людях и героических делах армии страны социализма.

Журнал «Знамя» посвящен теме огромной важности — обороне. Задача оборонной литературы — постоянно мобилизовать внимание вокруг укрепления обороноспособности Советской страны. Произведения, появившиеся на страницах «Знамения», не только выполняют эту задачу.

Писатели, объединившиеся вокруг «Знамения», много и упорно работают над портретом нового советского человека, человека высоких моральных качеств — бойца и командира Красной армии, т. е. над портретом людей, которым страна должна задать свой образец.

Правда, еще недостаточно много и новых произведений о людях и делах Красной армии, но несомненно, что они будут созданы, ибо тема Красной армии — это огромная и благодарная тема и для писателя, и для художника, и для музыканта.

Журнал «Знамя» не замыкается в рамках узко-военной тематики, и это правильно, так как наша Красная армия живет и дышит жизнью всей Советской страны, жизнью рабочих и колхозников масс.

Уверен, что в новом пятилетии на страницах «Знамения» появятся новые высокохудожественные произведения.

Маршал Советского союза С. БУДЕННЫЙ

УСИЛИТЬ КУЛЬТУРНУЮ ТЕМАТИКУ

Журнал «Знамя», празднующему первую свою пятилетку, горячо приветствую. Будучи, как и старину говорили, человеком «сплатским», приношу в этот юбилейное торжество литературное поздравление — усилить культурную тематику, помнить, что фашизм является не одним только материальным оружием, но и романтикой мелкой собственности, «своим очагом», «своим ядом», — идеями, соблазнами для огромного количества мелких буржуа, населяющих мир. Дать романтику социалистической собственности и ее охрану — это по существу не менее оборонная тема, не менее раскаяние, где стреляют из пушек и летают на истребителях. Хорошо бы поговорить в «Знамении» и на этом культурном фронте с фашизмом.

МАРИЗТТА ШАГИНЯН.

НАШ ЛУЧШИЙ ЖУРНАЛ

«Знамя» — бесспорно лучший наш художественный журнал, с четким творческим лицом. В день его пятилетнего юбилея надо пожелать, чтобы он стал еще лучше, еще весомее.

«Знамя» любит печатать хорошие вещи и не боится (хотя и не всегда) браковать плохие, подписанные якобы заслуженными именами. «Знамя» — живой и смелый журнал. В нем хочется работать. В нем работать весело. И жаль, что он еще не стал любимым журналом нашей научно-технической интеллигенции, читателей — по инерции — другие, негигиенические журналы.

В журнале сложился отличный редакционный коллектив: С. Рейзин, С. Ващенко, А. Тарасенков, В. Луговой. Журнал представляет собой ЛОКАФ его устремленности, полноты, смелости, ответственности, ответственности и четкого, строгого отношения к качеству литературной работы.

Журнал поставил себе цель: быть подлинным центром творческим и идейным писателя, которые ищут новых путей мировой революционной литературы. Эту задачу журнал осуществляет с отличной настойчивостью.

Работа локатофцев за 1930—36 гг. — поручка тому, что будущее будет ослеплено.

ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРУ

В редакцию «Литературной газеты» в день пятилетнего юбилея журнала «Знамя» прислали ряд приветствий.

Приветствия получены от союзов советских писателей Украины, Белоруссии, Армении, Грузии, Ленинграда и от гг. Рубинштейна, Голдмана, Суркова и других.

П. ПАВЛЕНКО.

Летняя встреча кронштадтских литераторов и группы, руководимой Л. Свиридыным, в Поляково, произошла в 1930 г. целью движения. Мы создавали художественно-литературные объединения. Время было упорное, боевое. Встречи наша литературная деятельность. Выступали дискуссионно-интервью, встречи. Встретились после службы в Кронштадте, у г. Спирова-Кудачева, то у меня, то у Полякова, записывая поэтические литературные беседы и бог. Я работал в опыте своей «Первой комсомольской» и начал новые работы. Л. Соболев читал нам первые главы «Калитинского романа». Свиридыны занимались со своими работами о мобилизации литературы. Сдали писателя в Москву, связываясь с Черноморским флотом.

Бригады наши начали выезжать в лагеря, в военные школы ЛВО, на корабль. Читатели, массовые военные аудитории в инструкторских и инструкторских лагерях. Споры, выступления, заявки, провозы, авиационные знаменитости. Начинаясь переписка с читателями.

Помню вечер 23 июня 1930 г. в школе младшего начсостава ОГПУ. Это был, кажется, первый шаг еще неоформленного ЛОКАФ. Клуб не имел вестей желавших. Свиридыны коротко рассказали, как организована Красная армия военного периода в советской литературе, и охарактеризовали задачи красноармейского творчества.

Тогда являлся ЛОКАФ еще не были развинуты в литературно-художественном плане. Движение еще было движением «красноармейско-творческим». Мы являлись от клубно-литературных масштабов, но еще не оформили своих предельных идей.

Вечер развлекательный так: прочли Маяковского «Во весь голос», прочли тут же простейшие бойцовские стихи о винтовке и службе, прочли отрывок пьесы и начали обсуждение. Помню высказывания: «Боевыми перестает газетную заметку. Они хотят творить художественное слово».

Движение разогналось стремительно. ПУР РККА понял, уловил инстинктивно лозунг «Красная звезда» — центральный военный лагерь — выдвигая за помощь делу. Наше движение, наша группа получила название «Литературное объединение Красной армии и флота» — ЛОКАФ. Движение развлекательное, еще РАИП, без РАИП. Известен случай, когда РАИП предложил г. Матвеева вообще не работать, в ЛОКАФ (1).

Два-три месяца нашей работы, и наконец 29 июля в Москве в Центральном Доме Красной армии состоялось первое организационное собрание писателей и поэтов Москвы, делегатов всеармейского агитпропа-ведения, работников ПУР и представителей литературных журналов. Собрание было серьезнейшим — по составу и по характеру работы. Люди отчетливо анализировали военно-политическую обстановку и практику литературной деятельности.

ПУР провозгласил писателей стать ближе к Красной армии. ПУР и «Красная звезда» (Л. Демтаров) довели до сведения собравшихся писателей, что в рядах армии началось большое литературное движение. Армия, так сказать, сама принялась создавать нужную ей литературу.

Писатели откликнулись. Началась организация журнала ЛОКАФ. К нам, инициаторам дела, пришли В. Стацкий, Сергей Ващенко, Ибоха, М. Звезда, В. Иттовский, А. Углан, И. Рахманов, Ал. Сурков. Журнал вышел в январе 1931 г. Вместе с л-торами «подручными» мы наметали большие планы. В Ленинграде, не откладывая в долгий ящик, открыли военно-литературные курсы на 60 человек. Военно-политическая им. Толмачева академия дала докторов. Вместе с Н. Свиридыным и Л. Соболевым мы разработали программу работ на 1931 г. — военные поездки писателей, плавание, лекции и т. д.

В редакции «Красной звезды» (ЛВО) возник своеобразный штаб. Курсы посещались активно. Здесь впервые многие пролетарские писатели увидели и поладили с г-ми «подручными». М. Стопницкому, И. Игиткину, В. Лаврентьеву, В. Карвину и др. «Подручные» здесь впервые увидели и поладили с г-ми пролетарскими писателями и поэтами: А. Прокофьеву, В. Клехта и др.

В 1931 г. на курсах ЛОКАФ-Балт. ЛОКАФ и в журнале была проведена серьезная работа по изучению места и роли литературы во время войны. Мы собрали интереснейший материал по Англии, Германии, Японии и т. д. С г-ми сторон освещали тему войны 1914—18 гг. и войны гражданской войны. Помню, как лекция перешла в коллоквиум по советской литературе, как возвращалась — для многих впервые — военная функция литературы.

Мы собирали сведения, вспоминали открытия, опыт советских писателей за 1917—22 гг. проследивали рождение нашей литературы, ее военные корни, изучали ее особенности. Работа ата критика критиковать, не замечая. Она тратит свои первые недели лишь сейчас, с понижением, пацифизмом, первых частей интересной книги В. Перлова («Знамя» № 1, 1936).

ЛОКАФ, как это произошло за последние годы, вел правильную и серьезную литературную политику. В основе она сплотивалась к систематической оборонно-воспитательной работе среди писателей, к выработке новых кадров, выдвиганию новых писателей и критиков, к укреплению выходящих литературных журналов и к расширению интернациональных связей.

Постановление ЦК партии 23 апреля 1932 г. подняло локатофскую работу на новую ступень. Председательская и секретарская работа 1934 г. была весьма плодотворной. «Знамя», как являлись мы в 1932 г. своей локатофской журналом, делало все, чтобы оправдать свое название и быть достойным лучших наших традиций.

В журнале сложился отличный редакционный коллектив: С. Рейзин, С. Ващенко, А. Тарасенков, В. Луговой. Журнал представляет собой ЛОКАФ его устремленности, полноты, смелости, ответственности, ответственности и четкого, строгого отношения к качеству литературной работы.

Журнал поставил себе цель: быть подлинным центром творческим и идейным писателя, которые ищут новых путей мировой революционной литературы. Эту задачу журнал осуществляет с отличной настойчивостью.

Работа локатофцев за 1930—36 гг. — поручка тому, что будущее будет ослеплено.

„ЗНАМЯ“ И ОБОРОННАЯ ДРАМАТУРГИЯ

И О Г А Н Н А Л Ь Т М А Н

Почему так популярны среди читателей журнал «Знамя»? Ведь этот журнал едва ли не самый молодой из всех советских «толстых» журналов, и он не имеет много времени «сарафанчат» себе авторитет? Да, это верно, но, что нехватает некоторых другим журналам, есть в «Знамении» — талантливость и творческий темперамент. То, что некоторые журналы «зарабатывали» 10—15 лет (или геральды в течение последних лет), то «Знамя» — вначале той же журналистикой ЛОКАФ — получал «с бою», добываясь в литературных боях за выходящую литературу социализма.

Ряд высочайших литературных произведений написало «Знамя», а последние годы были особенно выдающимися для журнала. Особенно надо приветствовать печатание «Не переводя дыхания» Френбургера и «Флорисдорф» Вольфа. «Восстание» Юноковского заставляет задуматься не только над некоторыми проблемами гражданской войны, но и о путях советской литературы, о том новом слое, которое создала революционно-романтическая литература и которое она еще производит.

«Книжки два товарища» В. Левина, «Я люблю» А. Агасенова, «Большой конвейер» Я. Патуны, «Как завалилась сталь» И. Ильичева и «Наказание» Ю. Юноковского — все это некоторые из тех процессов формирования новой молодой революционно-романтической прозы, которая в процессе дальнейшего развития и роста суждено сыграть большую роль в формировании стиля социалистической литературы.

Так же как некоторые бессмертные стихи Маяковского и Вайнского, как некоторые драмы В. С. Вишневого и Ф. Вольфа, так же как «Гибель эскадры» Корнетчука, ряд поэтических произведений последних лет характеризует процесс становления советской революционно-романтической литературы.

Огромная заслуга «Знамения» заключается в том, что талантливые и культурные организаторы и руководители этого журнала сумели в большом ансамбле советской литературы вести свою «партию» так, что она слышна далеко и голос «Знамения» выше, чем у других журналов.

Революционно-романтические ноты наиболее отчетливо звучат в журнале «Знамя».

Когда появилась «Тропа самураев» Л. Рубинштейна, все видели, что молодая проза, вдохновленная идеями обороны социалистической родины, находит новые слова, мысли, образы, новые приемы, пробуждающие живой интерес к оборонной литературе. Важно подчеркнуть не только то, что «Знамя» сумело собрать вокруг себя талантливых авторов, но и то, что «Знамя» принципиально не поворачивалась к тому, что нас не интересует — лирической, поэтической или «сплатской» литературы.

Истинная гражданственность нашей литературы выдвигается не в ее «сплатности», а в чувстве высокой ответственности за родину, в понимании любой проблемы советского строительства как важнейшей проблемы защиты социализма от капиталистической агрессии.

Вместе с социалистической революцией у нас исчезла навсего «полю-художественная» литература старого типа. Но и тот термин, который существует в отношении некоторых произведений — «оборонная литература» — уже нуждается в принципиальном расширении толкования, потому что всякое выдающееся советское произведение, воспитывающее гражданские чувства, не может не иметь оборонного значения.

В то же время разве не понятно, что и произведения, описывающие жизнь, быт, работу и творчество Красной армии, не могут не затрагивать огромных проблем социалистического переустройства экономики и сознания людей?

Совершенно очевидно, что отношение в Красной армии к делу оплодотворения социализма, основанное на высоком сознании революционной дисциплины, что проблем, волнующих наших командиров и рядовых бойцов, — проблема, волнующая всю страну.

Огромная заслуга журнала «Знамя» заключается в том, что, имея специфические задачи как журнал ЛОКАФ, он став затем органом ЦСР, сумел превратиться в организатора

писателей, интересующихся преимущественно оборонной тематикой, сумел заинтересовать огромные круги читателей и писателей оборонной литературы, а «оборонность» — понятие в большом объеме проблем страны.

Журнал сумел стать крупным художественным центром: литературным организатором, агитатором и пропагандистом.

Но если мы обязаны говорить не только о том, что сделал журнал, что он хочет, мы обязаны сказать и о том, чего он еще не сделал и чего мы ждем от него.

Мобилизуемое значение советской прозы исключительно велико. Не приходится доказывать, какую огромную роль играет театр в воспитании Красной армии.

Наша драматургия в большом долгу перед всей страной и в первую очередь перед Красной армией.

Журнал «Знамя», предельно выполняя работу по организации писателей, журнал, выдвигая свою основную, любимую тему, журнал, темпераментно и талантливо защищая свои идеи, не занялся еще как следует проблемами «оборонной» драматургии. Этот пробел он должен восполнить в ближайшее время.

В. Вишневыч в статье «Советская драматургия в 1935—36 гг.» («Знамя» № 11, 1935 г.) подметает: «Давая сведения, советские драматурги скрывают мысли до формулы: «сину» о новых идеях времени и «протестности», «сину» о развитии социалистической собственности, «сину» о том, как революция побеждает старость, «сину» о развитии между делом и творчеством, «сину» о новом понимании поэтики, «сину» до блеска и т. д.

Почти никто, никто... А что написано? Много ли? Интересно ли? Захватывающе? У нас много театров. И едва ли любой из столичных театров ставит в среднем больше двух советских пьес в год. Периферийные театры возмущают: дайте хорошую пьесу! За исключением «Бойцов» Ромашова и «Далекого» Афиногенова много ли мы имеем написанных за последние два года пьес, в которых мы увидели бы живые образы погудых защитников нашей родины?

Пять-шесть пьес, — и обречен. Задача журнала «Знамя» состоит в том, чтобы давать анализ опубликованных или осуществленных постановочных пьес, одновременно разрабатывая принципиальные проблемы новой драматургии.

В нашей «оборонной» драматургии, к сожалению, уже устанавливается шаблон, который иной раз обливает слезу смутной новой пьесы. Художественные образы «растворяются» в общих образах, что заранее знаем, тем же оканчиваясь, заранее зная, что этот «перестроится», тот уйдет в лагерь правых и т. д.

Возьмем к примеру первую пьесу талантливого прозаика В. Левина, недавно опубликованную в «Знамении» и поставленную Камерным театром. В пьесе ряд очень удачных мест, но она пьеса в целом характерна тем, что в ней много «стала», «структура», она очень похожа по структуре, по «растворенности» типажа, как пишут режиссеры, на все остальные пьесы. В результате талантливого писателя не забавляла.

Он один из наших журналистов не подает серьезному анализу так называемые «оборонные пьесы». А пора. Помимо огромных идейно-художественных требований, какие страна предъявляет оборонной пьесе, как любой советской пьесе, мы предъявляем ей, кроме того, дополнительные требования. Оборонный драматург должен в совершенстве знать не только «свое» положение в нашей армии, он должен быть близок с армией, знать досконально людей, любить их, знать специфические технические проблемы, которые волнуют командиров и бойцов. Только тогда наша «оборонная» драматургия освободится от отчаянной художественной абстракции, и от периферийных спекулятивных «деталей», и от «сплатности» в художественном методе. Образы в оборонной пьесе должны создаваться и вырастать органически, из жизни жизни и проникновения в нее, из художественного таланта, а не из предвзятого «подмета»: мне нужны один командир Пекк, стальной ледяной бойцов, мне нужно

Почему так популярны среди читателей журнал «Знамя»? Ведь этот журнал едва ли не самый молодой из всех советских «толстых» журналов, и он не имеет много времени «сарафанчат» себе авторитет? Да, это верно, но, что нехватает некоторых другим журналам, есть в «Знамении» — талантливость и творческий темперамент. То, что некоторые журналы «зарабатывали» 10—15 лет (или геральды в течение последних лет), то «Знамя» — вначале той же журналистикой ЛОКАФ — получал «с бою», добываясь в литературных боях за выходящую литературу социализма.

Ряд высочайших литературных произведений написало «Знамя», а последние годы были особенно выдающимися для журнала. Особенно надо приветствовать печатание «Не переводя дыхания» Френбургера и «Флорисдорф» Вольфа. «Восстание» Ю. Юноковского заставляет задуматься не только над некоторыми проблемами гражданской войны, но и о путях советской литературы, о том новом слое, которое создала революционно-романтическая литература и которое она еще производит.

«Книжки два товарища» В. Левина, «Я люблю» А. Агасенова, «Большой конвейер» Я. Патуны, «Как завалилась сталь» И. Ильичева и «Наказание» Ю. Юноковского — все это некоторые из тех процессов формирования новой молодой революционно-романтической прозы, которая в процессе дальнейшего развития и роста суждено сыграть большую роль в формировании стиля социалистической литературы.

Так же как некоторые бессмертные стихи Маяковского и Вайнского, как некоторые драмы В. С. Вишневого и Ф. Вольфа, так же как «Гибель эскадры» Корнетчука, ряд поэтических произведений последних лет характеризует процесс становления советской революционно-романтической литературы.

Огромная заслуга «Знамения» заключается в том, что талантливые и культурные организаторы и руководители этого журнала сумели в большом ансамбле советской литературы вести свою «партию» так, что она слышна далеко и голос «Знамения» выше, чем у других журналов.

Революционно-романтические ноты наиболее отчетливо звучат в журнале «Знамя».

Когда появилась «Тропа самураев» Л. Рубинштейна, все видели, что молодая проза, вдохновленная идеями обороны социалистической родины, находит новые слова, мысли, образы, новые приемы, пробуждающие живой интерес к оборонной литературе. Важно подчеркнуть не только то, что «Знамя» сумело собрать вокруг себя талантливых авторов, но и то, что «Знамя» принципиально не поворачивалась к тому, что нас не интересует — лирической, поэтической или «сплатской» литературы.

Истинная гражданственность нашей литературы выдвигается не в ее «сплатности», а в чувстве высокой ответственности за родину, в понимании любой проблемы советского строительства как важнейшей проблемы защиты социализма от капиталистической агрессии.

Вместе с социалистической революцией у нас исчезла навсего «полю-художественная» литература старого типа. Но и тот термин, который существует в отношении некоторых произведений — «оборонная литература» — уже нуждается в принципиальном расширении толкования, потому что всякое выдающееся советское произведение, воспитывающее гражданские чувства, не может не иметь оборонного значения.

В то же время разве не понятно, что и произведения, описывающие жизнь, быт, работу и творчество Красной армии, не могут не затрагивать огромных проблем социалистического переустройства экономики и сознания людей?

Совершенно очевидно, что отношение в Красной армии к делу оплодотворения социализма, основанное на высоком сознании революционной дисциплины, что проблем, волнующих наших командиров и рядовых бойцов, — проблема, волнующая всю страну.

Огромная заслуга журнала «Знамя» заключается в том, что, имея специфические задачи как журнал ЛОКАФ, он став затем органом ЦСР, сумел превратиться в организатора

писателей, интересующихся преимущественно оборонной тематикой, сумел заинтересовать огромные круги читателей и писателей оборонной литературы, а «оборонность» — понятие в большом объеме проблем страны.

Журнал сумел стать крупным художественным центром: литературным организатором, агитатором и пропагандистом.

Но если мы обязаны говорить не только о том, что сделал журнал, что он хочет, мы обязаны сказать и о том, чего он еще не сделал и чего мы ждем от него.

Мобилизуемое значение советской прозы исключительно велико. Не приходится доказывать, какую огромную роль играет театр в воспитании Красной армии.

Наша драматургия в большом долгу перед всей страной и в первую очередь перед Красной армией.

Журнал «Знамя», предельно выполняя работу по организации писателей, журнал, выдвигая свою основную, любимую тему, журнал, темпераментно и талантливо защищая свои идеи, не занялся еще как следует проблемами «оборонной» драматургии. Этот пробел он должен восполнить в ближайшее время.

В. Вишневыч в статье «Советская драматургия в 1935—36 гг.» («Знамя» № 11, 1935 г.) подметает: «Давая сведения, советские драматурги скрывают мысли до формулы: «сину» о новых идеях времени и «протестности», «сину» о развитии социалистической собственности, «сину» о том, как революция побеждает старость, «сину» о развитии между делом и творчеством, «сину» о новом понимании поэтики, «сину» до блеска и т. д.

Почти никто, никто... А что написано? Много ли? Интересно ли? Захватывающе? У нас много театров. И едва ли любой из столичных театров ставит в среднем больше двух советских пьес в год. Периферийные театры возмущают: дайте хорошую пьесу! За исключением «Бойцов» Ромашова и «Далекого» Афиногенова много ли мы имеем написанных за последние два года пьес, в которых мы увидели бы живые образы погудых защитников нашей родины?

Пять-шесть пьес, — и обречен. Задача журнала «Знамя» состоит в том, чтобы давать анализ опубликованных или осуществленных постановочных пьес, одновременно разрабатывая принципиальные проблемы новой драматургии.

В нашей «оборонной» драматургии, к сожалению, уже устанавливается шаблон, который иной раз обливает слезу смутной новой пьесы. Художественные образы «растворяются» в общих образах, что заранее знаем, тем же оканчиваясь, заранее зная, что этот «перестроится», тот уйдет в лагерь правых и т. д.

Возьмем к примеру первую пьесу талантливого прозаика В. Левина, недавно опубликованную в «Знамении» и поставленную Камерным театром. В пьесе ряд очень удачных мест, но она пьеса в целом характерна тем, что в ней много «стала», «структура», она очень похожа по структуре, по «растворенности» типажа, как пишут режиссеры, на все остальные пьесы. В результате талантливого писателя не забавляла.

Он один из наших журналистов не подает серьезному анализу так называемые «оборонные пьесы». А пора. Помимо огромных идейно-художественных требований, какие страна предъявляет оборонной пьесе, как любой советской пьесе, мы предъявляем ей, кроме того, дополнительные требования. Оборонный драматург должен в совершенстве знать не только «свое» положение в нашей армии, он должен быть близок с армией, знать досконально людей, любить их, знать специфические технические проблемы, которые волнуют командиров и бойцов. Только тогда наша «оборонная» драматургия освободится от отчаянной художественной абстракции, и от периферийных спекулятивных «деталей», и от «сплатности» в художественном методе. Образы в оборонной пьесе должны создаваться и вырастать органически, из жизни жизни и проникновения в нее, из художественного таланта, а не из предвзятого «подмета»: мне нужны один командир Пекк, стальной ледяной бойцов, мне нужно

ПОЭЗИЯ „ЗНАМЕНИ“

Н. П Л И С К О

Мы отмечаем пятилетие юбилея «Знамения» не только как торжество советской журналистики, но и как победу советской художественной литературы.

Литературный журнал «Знамя» определенно той отграниченной областью, в пределах которой решается проблематика обороны Союза советских республик. На первый взгляд может показаться, что эта отграниченность проблематики сужает рамки действительности, отражаемой художником. На деле же материал для оборонного художественного произведения служит вся богатая яркость красок, сила страсти, советская действительность. Больше того, не может быть полноты социалистической литературы, не отражающей в той или иной мере оборонную проблематику. Только большая доля акцентирования на этих проблемах и придает своеобразие и остроту тому материалу, который организует журнал «Знамя».

Страна социализма, ее победоносный пролетариат, строящий свою жизнь под жерлами пушек всего буржуазного мира, не может не проявлять оборонными мериториями весь свой гигантский размах социалистического жизнеутверждения.

Наше творчество, когда мы читаем в журнале «Знамя» «Не переводя дыхания» Френбургера, «Восстание» Юноковского, «Невидимый адмирал» Абрамочкина-Блажа, «Повеление» Василия Гроссмана, ряд прекрасных переводов западно-европейских писателей, как «Голы прервения» Андре Малиро и много другое, то поэтический раздел значительно слабее и далеко не выполняет своих задач в свете требований, высказанных нами выше.

Нам думается, что в дни юбилея такому четкому работнику журналу, как Юноковский, поэтический раздел должен быть усилен. Удовлетворения редакционных бойцов присутствуют к тем заданиям, которые в дальнейшем помогут улучшить работу журнала.

Мы должны сказать открыто: нас не удовлетворяет поэтический отдел журнала. И не потому, что в нем нет по-настоящему возмужавших стихов, выдерживающих испытание больших мыслителей. Такие стихи есть. Вот лирический цикл В. Луговского. Это настоящая, подлинная поэтическая звучность лирика. Луговской здесь прокладывает себе новые пути. Он уходит от риторики, становится конкретнее, ярче, чувственнее. Но предельная риторицизм, условность, выходящая за пределы поэтического высказывания, желая преломлять высокие поэтические закономерности, Луговской уходит и от больших философских обобщений, которые он так правильно вынашивает в цикле «Жизнь» и в поэме «Дангара». В книгах «Большая земля» и «Весна» были лирические строфы, поэтические лозунги, данные без чувственности их охотности. Стихотворение последнего цикла «Повеление стиха» разрешает лирическое задание так выразительно:

Отчего бывает боль такая,
Будто видишь все в последний раз,
Будто понемногу выветривает
Снивая твоих широких глаз?
Это плещет медленная сила
В теле потрепанном твоим.
Быют перемены. Ты полюбил.
Быют перемены. Дрожат светила.
Ночь томит луной и забывает,
Что ж ты смотришь, темной
голубая,
В этот сумрак темнооубой?
Трактористы молоко хлебуют,
Тихо говорят между собой.

Конечно, это направление лирического выражения мира законно. Но оно не может выразить во всей полноте тех чувств нового человека, которого увидит Луговской, по которому стане лозунг в бригады. Это направление уходит назад поэзию и поэтику Луговского на периферийные пути с тех магистральных дорог, которыми шел Маяковский, Белинский, на которые уже ступала нога Луговского. А ведь в этом периферийном плане выдержал почти весь лирический цикл Луговского, опубликованный в четырех номерах журнала («Прощание», «Радость», «Гроза», «Сон», «Поточная река»). Есть в некоторых стихах из этого цикла порывы к философскому глубокому осмыслению, данному в стихотворении «Восстание» в этом смысле: «Восстание» — тема, которая волновала Луговского еще в книгах «Большая земля» и «Весна», в цикл «Жизнь»; эта тема жизнеутверждения через борьбу, через смерть выражена в замечательнейшем стихотворении «Делушка моя волоса». Студентка может волоса. На стол лежат череп. Какалось, как легко можно сдаться в сознательности, пошлость, но Луговской пронос тему и ее философский омысл на большой высоте.

Вот стихи Ди. Петровского — «Рейс», «Смуть командира Навина» на лирика «Степное казачество». Они стремительны и песенны, затронуты и ясны. Они не придают поэзии форму образца этого талантливого поэта, несомненно разобранного, стихийного в композициях стихов, но постоянного в тематических устремлениях, поэта яр-

ких образов и больших чувств. Вот поэма Суркова «Большая земля», выдержанная в повествовательном-песенном жанре, и повествовательное большое драматическое изображение «Почтой разговору», испеченное несколько друштем конюшником. Коммунист-красноармеец был приговорен больше и расстрелян. Его только выжили, и он был спасен.

С рассветом меня нашли часовые
В овраге у шалаша.
Я в эту смертную ночь впервые
Узнал, как жизнь хороша.

Вот цветистые и яркие стихи Прокофьева, «Родина» — прекрасное стихотворение покойного Н. Дементьева. Ряд неплохих стихов Николая Брауна и Александра Гитовича, на обычно высоком уровне Светлова (стихотворение «Деникин»),
Есть стихи молодых: Панченко, Дольматовского, Державина, Маргариты Алагуев.

Лучше, как будто все нормально. Есть лирика, история гражданской войны, гражданская советско-патриотическая лирика. Есть мастера и молодые поэты. И все же мы берем на себя смелость утверждать, что поэтический отдел «Знамения» не организуется по-настоящему работу, не ставит больших задач перед нашими поэтами, недостаточно определяет направления их работы. Мы стоим накануне грандиозных исторических событий. Не сегодня-завтра на нас воюют немцы до зубов враги могут напасть. Нам нужна огромная лирическая поэзия, в каждой строфе которой должна верно присутствовать боевая тревога.

Маяковский был поэтом одной темы. Этой темой была для него социализм. Именно потому, когда он писал призывы для Моссеярафа и поэм «Владимир Ильич Ленин», и те и другие строки были согреты дыханием мощнейшей лирической силы. К каждому явлению он выражал глубоко личное отношение и это отношение помогало утверждению социалистического строя. Именно у молодых поэтов мы все более чувствуем эту поэтическую выносливость. У этих поэтов, конечно, риторицизм. У этих поэтов, конечно, стремление молодого поэта пронести раз избранную форму так, чтобы не расплылось сопереживание. У них зачастую нет своей лирической темы, того личного поэтического пафоса, о котором говорил еще Пушкин. А ведь только это свое отношение к миру создает поэтическое индивидуальность. В плане тех требований, о которых мы здесь говорим, на молодых удовлетворяет разве только Панченко. Детство рабочего поэта Панченко, протекавшее в годы гражданской войны в Одессе, питает его творчество. У него, живя в Ленинграде, и в Ленинграде, дополняет большие поэтические обобщения. Но ему не хватает еще мастерства. Те идеальные опущения, которые сейчас ярки в творчестве Панченко, могут быстро исчезнуть, и проблема учебы, проблема овладения подлинным поэтическим мастерством встанет перед ним во весь рост. Ему нехватает поэтической конденсированности, композиционной целостности в лирическом звучании, до лирика его — лирика больших поэтических обобщений и смелого публицистического высказывания.

... А в море моем
Лит с суда о тебе прогудят.
Ты в поспешной могиле, солдат.
Но клянусь: миллионы смертей
Я такую одну предпочту.
И тебя как живую мечту,
Пронесу я.

Большое достижение поэтического отдела «Знамения» — поэма А. Аладис «Киров». Она требует специального и обстоятельного рассмотрения. Но одно сейчас можно сказать, подводя итоги поэтического года в журнале. Многие из опубликованных за 1935 г. жемчужин лирики — это поэзия, которая является фактом биографии многих миллионов читателей нашей страны. Стихи, как и всякое подлинное произведение искусства, могут рассчитывать на долгую жизнь, если они становятся фактом биографии читателей. Фактом нашей биографии являются стихи Пушкина, Некрасова, Маяковского. Но поэма Аладис своей подлинной поэтической выносливостью, силой политической невинности и в рамках рабочего класса надолго задержит внимание нашего читателя. Аладис неслучайно лучшие устремления лирико-политических стихов Маяковского.

Нашей верности не обмань,
Снова мужеством овладей!
«Человек ты хочешь быть,
Будь же тысячами людей.
Встань и выпрыгни не мог,
В усмалкивном пенном лесу.
Целым кирковским краем есту».

... Он давно уже с нами слит,
— Стал давно уже частью нас
На гробницу свою глядят
Миллионы наших глаз.
Вот этой поэ

